

Contents

Честно	2
Прости	3
Осенью	4

Честно

с пропущенным посвящением

ты выходишь из череды замученных бытом и богом комнат,
по воде вроде ясно как, пора научиться по суше:
борт-инженер твоего рейса — абсолютный покойник,
и, прощаясь с землей,
выключайте газ, телефон и душу.

в особо жестоких странах нас припилят на белый танец
и будут смотреть, как, сомкнувшись,
наши руки превращаются в дым
но штурман этого рейса — абсолютный Летучий Голландец,
и фрегат продолжает лететь,
вообще не касаясь воды.

и я — сумма религий мира, обвиняемых в пораженщине,
где любая способность любить выглядит неуместно —
в особо жестоких странах расстрелом командуют женщины,
но это хотя бы честно

*собери секунды по тем мелочам, от которых кровь
стынет в жилах,
настоящей свободы нам всем раздадут под безумный
процент;
и на кем-то придуманный час мы останемся “все
еще живы”,
хотя чаще и чаще ты говоришь,
что это слишком банальная цель.*

не уверен,
что стоит

ты несешь какую-то чушь, что тебя рекрутируют в ангелы, и
бог опять не дошел по воде, обесцветился и простыл:
в особо жестоких странах тебя выменяют на евангелие,
только нас будет тошнить
от его пасторальных святых.

перемалываю прошлое по мелочам нефрахтованными молитвами,
ты выходишь из череды комнат, тобою забытых заново,
весь экипаж твоего рейса стоит в очереди за полулитрами
и срочно требует поднять занавес,
срочно требует поднять занавес!

но я — сумма религий мира, обвиняемых в пораженщине,
где любая способность любить выглядит неуместно —
в особо жестоких странах расстрелом командуют женщины,
но это хотя бы честно. . .

честно.

Прости

прости,
но мы опять не попадаем в формат,
мы из сомкнутых линий рук делаем земной шар —
прошлое лезет за душу и в карман:
в кармане мелочью три гроша,
прошлое держит голову, ест с ножа.

прости,
но мы опять не попадаем в такт и ритм,
нашим детям уже давно набила оскол
вся твоя сотня широко трактуемых рифм,
выложенных на стол.
ты же знал — в итоге их будет всего лишь сто.

прости,
ты же знал, нам не выдадут новый шанс,
и наш выбор замрет на выборе новых зим,
если не знаешь, что делать дальше —
репай,
назад или вниз, а то из окна сквозит.
так нерешимость пешки не выводит ее в ферзи.

прости,
мы опять не попадаем в центр или края,
мы из смятой постели делаем новый слог:
в новый слог не ложится избитый хорей и ямб,
а ты бы мог промолчать, но ты уже сбился с ног —
восемь дней ты учил себя и её сиять,
ты — не смог.

прости,
мы опять не попадаем глаза в глаза.
а мы мел на асфальте.
завтра нас всех сотрут,
под подошвами ног рождается новый азарт,
а ты умер,
не выдумав, что сказать.
знаешь, мы вспомним тебя к утру.

Осенью

самолетное небо с проседью
пахнет велесовым воскресением,
наши мифы
родились и оделись осенью,
потому и остались осенними

не считая спетого, но не сказанного,
без учета сошедших
с дистанции и пути
осенью мы возвратились сказками,
плотно выложенными в триптих

наши мысли —
по фарватеру от несбывшегося,
по фонемам битого на части дня
(прометей уверенно падает с крыши —
крыши требуют только огня)

мы возвратились словами модными,
по струнам разложенными в аортах —
осенью
мы отзвучали нотами
неразрешенного нам септ-аккорда

завернувшись
в никому неизвестные флаги,
наши мифы девальвировались до фальши,
осенью мы легли буквами на бумагу,
и никто не понял, что будет дальше